

ЛИРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Ю Л И Я   Е Ф И М О В А

ПОКА
МЕДВЕДИЦА
НА НЕБЕ

Издательство АСТ
Москва

Не ищите в этой книге знакомых имен и событий.

Не сравнивайте исторические факты с действительностью. Все, что происходит на страницах этой книги, — это плод фантазии автора и никак не связано с реальностью.

Совпадения же, которые вы заметите, случайны.

«Поезд “Москва — Адлер” отправляется с третьего пути».

Состав немного качнулся и плавно тронулся от красивой платформы Казанского вокзала. Карл смотрел в окно на ускользящий перрон. В окне была Москва, она просто утопала в зелени — надо же, конец мая, а солнце уже по-летнему ласкает улицы столицы. Но ведь, кажется, еще вчера метровые сугробы были абсолютно везде: в Москве на клумбах они высились огромными черными глыбами и наводили ужас, за городом же они были абсолютно белыми, но не менее страшными и холодными. Эти горы снега погружали в депрессию и приводили людей в от-

чаяние. Все спрашивали друг у друга: неужели эта затяжная зима никогда не закончится? Неужели эта серость навсегда поглотила Москву и весна не придет никогда? Но истина и спустя тысячелетия оставалась той же, что и в надписи на кольце царя Соломона: «И это пройдет», — и вот уже народ забыл ужасы холода и наслаждается почти летним майским теплом. Москва особенно прекрасна в солнечные дни, лучи растекаются по ее проспектам, как золотистый мед течет с чайной ложечки обратно в пиалу, медленно, тягуче растягивая свое золото, будто говоря: полюбуйтесь на меня, вон сколько во мне солнца. Шпили городских высоток обвивают лучи, кружась вокруг них, как обруч. Москва просто купается в солнце, весело и с удовольствием, словно ребенок, который первый раз увидел море и не может сдержать радости, выплескивая ее в окружающий мир.

Сколько лет Карл не ездил на поезде, он уж и не помнил, не считая, конечно, быстрого «Сапсана», что соединяет Питер и Москву, но это не поезд, так, электричка. Поезд — это когда города, платформы и люди мелькают за окном, сменяя друг друга, и ты знаешь, что на сегодня это твой новый дом, как и для твоих попутчиков. Получается, что на время вам, совершенно чужим людям, необходимо будет делить это тесное жилище. Ког-

да-то давно они ездили на поезде с отцом, тот хотел показать сыну Байкал и его родной Иркутск. Это были волнующие и увлекательные каникулы для Карла, а поезд для мальчишки был даже познавательней, чем сам Байкал. Там менялись люди, почему-то как родные, спящие рядом, на соседних полках, и для мальчика из интеллигентной московской семьи это было ново и непонятно. Каждый из новых соседей был со своей историей, со своим познанием мира, и все, абсолютно все пытались поделиться житейскими мудростями со своими попутчиками. Так уж устроен поезд: люди садятся в него и сразу хотят рассказать всю свою жизнь соседу-незнакомцу, в ответ желая выслушать не менее душещипательную историю. В этом магия поезда. Ведь там ты можешь быть хоть кем, играть любую роль, а можешь даже быть собой настоящим, ведь через некоторое время ты сойдешь на своем перроне и больше никогда не увидишься с людьми, которым ты только что рассказал о себе больше, чем знает любой из твоих родственников. Тогда, в далеком девяносто пятом, они с папой ехали в плацкартном вагоне, пахнущем носками и чесноком. Сегодня же Карл хоть и решил ехать в Краснодар на поезде, но, надо быть честным, выбрал самый комфортный вариант. В купе было пусто

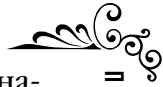

и чисто, оно отдохнуло от предыдущих поездок и ждало новых постояльцев и новых историй. Еще в свое первое путешествие на поезде маленький Карл заметил: если человек входит в купе последним, то у него складывается такое впечатление, что он заходит в гости. Поэтому был очень рад, что первым, так сказать, пометил территорию.

Состав уже покидал пределы столицы, а соседа по временному жилищу все не было. Билет был куплен на фирменный двухэтажный поезд, в мужское купе СВ, так что сосед должен быть именно мужчиной. «Может, и не будет никого», — с надеждой подумал Карл, глядя в окно. Там уже начинался закат, еще были видны силуэты деревьев и домов, проплывающих мимо, но все четче стало проявляться его отражение на стекле. Он внимательно посмотрел на себя: молодой мужчина тридцати лет — боже мой, уже тридцать! Жгуче-черные волосы и чересчур смуглая кожа — как ему часто говорят, очень похож на армянина, но они ошибаются. Карл, а по паспорту Хуан Карлос Калашников, был наполовину испанцем. Его мама, София Ортис, в то время, когда в России началась перестройка, приехала освещать события для испанского телевидения и, влюбившись в скромного режиссера монтажа телекомпании «Останкино» Юру Ка-

лашникова, осталась в холодной стране навсегда. Она всей душой полюбила русского мужчину с легендарным именем Юрий, это русское имя было известно всему миру благодаря Юрию Гагарину, оно отождествлялось с героизмом, смелостью и обаятельной улыбкой. Она полюбила Москву с ее быстрым ритмом жизни и красотой широких проспектов. Она, наконец, влюбилась в Россию с ее на тот момент наивными и добрыми в большинстве своем людьми. Но испанка по рождению, с горячей кровью и бушующими генами, так и не смогла полюбить дикий холод, который стоял в этой стране шесть месяцев в году. Именно маминым генам Карл обязан своей вспыхивающей, как огонь, страсти по отношению ко всему: к работе, к женщинам, к спорту. Карл всегда был спортивным мальчиком, до самого поступления в институт он занимался гимнастикой и даже побеждал на городских соревнованиях, потом секцию заменил спортзал по три часа дважды в неделю. От постоянных нагрузок тело у Карла было словно отлито из свинца, а если прибавить к этому его нестандартную внешность, то получался настоящий идеал мужской красоты. Всегда и везде, начиная со школы, Карл был первым, лучшим почти во всем: в учебе, в спортивных соревнованиях, пользовался популярностью у девчонок, а еще был капи-

таном команды КВН, в общем, первый парень на деревне. Внимание со стороны девушек было феерическим и до противного легким, всех сейчас он даже и не вспомнит — слишком легко ему давались эти победы. Маши, Кати пролетали по его жизни, не оставляя никаких воспоминаний о себе, хотя, наверное, кроме одной. Вот ее он и рад бы забыть, да не мог.

Все институтские навыки вплоть до пресловутого КВНа потом пригодились Карлу с лихвой в его работе: большой холдинг, большие вложения, большие возможности. Это сегодня он уже заместитель генерального по филиалам в Южном регионе, но еще семь лет назад такое ему даже не снилось. Современное общество диктует новый тренд: любят молодых, инициативных, креативных и целеустремленных, это было девизом компании, их основным правилом и принципом. Как же так случилось, что это прекрасное, уже полностью установившееся настоящее, где переговоры в шикарных офисах сменялись чередой женских лиц, чьи черты он даже не успевал запомнить, прервало одно бумажное письмо? Письмо в конверте! Карл думал, что никто уже не пишет писем от руки. Что это? Кара небесная, чья-то шутка, а может быть, горькая правда? Как хорошо, что мама с папой сейчас живут в Ис-

пани и проверять родительскую квартиру, которую мама отказывалась продавать как память, пришел именно он. Что, если бы письмо попало в руки к ним или сестре? Он боялся даже думать об этом. «Разберемся на месте» — так он решил в Москве, сторонясь своих догадок и мыслей. Выдумать срочную командировку в Краснодар, якобы проинспектировать местный филиал, для уже опытного в административных делах Карла не представляло никакого труда. Смешно вспоминать лицо его личного секретаря, когда попросил заказать билеты не бизнес-класса на самолет, а на поезд. Карл не удостоил ответом ее вопросы и расширенные от удивления глаза, лишь пристально посмотрел так, что она сразу стихла. Не собирается он перед секретаршей отчитываться, да и не поймет эта белобрысая тупица, оставленная ему в наследство прошлым замом, что Карлу надо подумать, осмыслить, возможно, даже вспомнить кое-что под стук колес фирменного поезда «Москва — Адлер».

На заходящее солнце сейчас смотрела и Клавдия Петровна Жукова, директор филиала «Спортиксон» в Краснодарском крае. Клава стояла у окна в своем кабинете и вни-

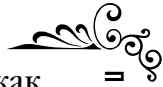

мательно наблюдала за этим в общем-то элементарным процессом. Любовалась она им так, будто именно от этого действия сейчас зависела ее судьба. Закат на время позволял ей отдышаться от страшных мыслей. Все сначала, все придется начинать сначала, а сил уже нет. Офис опустел, сотрудники в одно мгновение покинули рабочие места, убегая домой, к детям и своим вторым половинкам. Клаве же бежать было некуда, ее никто не ждал, некому было успокоить и приободрить, пожалеть, в конце концов, и погладить с любовью и заботой. Работа была для Клавы семьей, и если быть до конца честной, то последние два года еще и любовником. Работа была для нее абсолютно всем.

Сегодня в офисе разыгрался поистине голевский сюжет. С утра все шло как всегда: планерка, разбор полетов, раздача строгих указаний. Но вдруг без стука, прерывая рабочий процесс, в кабинет вошла умнейшая из женщин, личный секретарь Клавы, Инна Викторовна Бляхина. Эта прекрасная во всех отношениях женщина, скажем так, преклонных лет никогда не позволяла себе таких вольностей, и Клава поняла: случился форс-мажор. Начальственно кивнув, Клава разрешила ей говорить.

— К нам едет ревизор, — сказала секретарь и виновато добавила: — А незванный

гость хуже татарина, — и развела руками, как бы показывая, что ничего изменить она не может.

Клава только три месяца была управляющим директором, поэтому данный факт убил ее наповал. В первую очередь это говорило о недоверии руководства к новому назначенцу. А ведь Клавдия Петровна пять лет проработала в этой фирме, и такого не было ни разу. Прошлые начальники и воровали как голодные, за что в конечном счете слетали с должности, и частенько не выполняли план, но высшее руководство не приезжало к ним ни разу. Проверяющие, конечно, были, но это были пешки, они быстро срисовывали ситуационную картину и везли на суд начальству в Москву. А тут сам Карл Юрьевич собственной персоной, второй человек в холдинге, по крайней мере для Южного региона точно. Чем его мог заинтересовать их филиал, чем успела Клава так провиниться? Неужели узнали ее страшную тайну и приехали посмотреть на это лично? Исправить Клава уже ничего не успеет. Столько труда — и все напрасно. Скорее всего, едут ее увольнять, хотя даже это большая честь для нее, ведь он мог сделать это, не вставая с кресла в собственном кабинете. Клава была уверена, что Карл Юрьевич даже имени ее не помнит. Тогда зачем?

Именно этим вопросом задавалась целый день директор, так и не найдя вразумительного ответа.

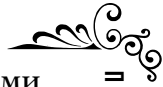
— Клавдия Петровна, — в кабинет заглянула секретарь, — я могу идти?

— Конечно, — обреченно сказала она, — идите, вас, наверное, внуки заждались, они уже приехали на каникулы?

— Да, вчера, всюю уже лезят по деревьям и едят черешню, — когда Инна Викторовна говорила о внуках, она невольно расплывалась в улыбке. — Вы не расстраивайтесь, все обойдется, — неуверенно сказала она и добавила: — Клавдия Петровна, на этом жизнь не заканчивается, у вас колоссальный опыт, с такими данными вас с руками оторвут. Есть такая русская пословица: кто любит труд, того люди чтут. Вы большая умница, каких мало, вас ценят и уважают...

Секретарь любила всюду вставлять пословицы, Клава всегда удивлялась, как столько ненужной информации могло уместиться у нее в голове. Даже утешая начальницу-неудачницу, она вставила очередную народную мысль. Однажды Клава спросила об этом саму Инну Викторовну. «Какая же это ненужная информация, — обиделась тогда госпожа Бляхина, — это мудрость народа, люди эти знания веками собирали и в пословицы вкладывали, чтоб запомнить было легче. Счи-

тайте, это тайные знания предков, которыми мы можем пользоваться бесплатно».

Она догадывалась, что все, включая кладезь народных мыслей Инну Викторовну Бляхину, понимают: это финал карьеры Клавдии Петровны Жуковой в фирме «Спортиксон».

От обиды сжались челюсти и засосало в животе. Получается, что все было зря, все испытания, которые она прошла ради карьеры, все, что вытерпела, все, что преодолела. Она с детства знала, что такое деньги. Родители Клавы были запойными алкоголиками, и с десяти лет маленькая девочка сама добывала себе на пропитание. Мыла машины после школы, продавала зарядки для телефонов и молила Бога только о двух вещах: первое — чтобы родителей до окончания школы не лишили родительских прав, так как других родственников у Клавы не было, а в детский дом очень не хотелось. Второе — это чуточку удачи на экзаменах при поступлении в институт: она была уверена, что только образование поможет ей вылезти из нищеты. Правда, в этом аспекте она мало надеялась на Бога. Клава рассчитывала только на себя, она усердно училась, девочка из семьи алкоголиков наперекор общественному мнению была круглой отличницей. Она не обращала внимания на насмешки одноклассников

